

Валентина Сергеева

«РОБИН ГУД ШКОЛЬНЫЙ»: ОТ «ДЕШЕВЫХ УЖАСОВ» К «ПОВЕСТЯМ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ» (2-Я ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

В статье рассматривается трансформация образа легендарного разбойника Робин Гуда в английской литературе для юношества, обусловленная тем, что во второй половине XIX в. Робин Гуд становится героем не только исторической беллетристики и авантюрно-приключенческой литературы, предназначенной для массового читателя, но и произведений, адресованных детям из образованных слоев общества. Автор статьи анализирует произведения Д. Эммета, Дж. Макспаддена, Э. Гиллиата, Г. Маршалл и других писателей, сегодня уже практически не известных, показывает как «школьные» романы о Робин Гуде стали рупором педагогических идей и транслировали этику английских частных школ для юношей. В статье очерчиваются авторские приемы, позволяющие перенести акцент с описания изгнанничества и разбойничьей жизни Робина на изображение нового образа героя, чья личность могла бы служить дидактическим целям. В «школьных» романах Робин Гуд предстает носителем тех качеств, к которым предписывалось стремиться английским мальчикам из привилегированных сословий. Подобная трактовка сюжетов о Робин Гуде предназначалась для того, чтобы дать читателям-школьникам возможность проассоциировать этот образ с собой, актуализировать рефлексию качеств, ключевых в этике учеников частных школ. Эти романы сочетали дидактику и увлекательность.

Ключевые слова: детская литература, школьная повесть, историческая повесть, массовая литература, педагогика, Робин Гуд, приключенческая литература

Валентина Сергеевна Сергеева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Москва

yogik84@mail.ru

В эпоху романтизма народные баллады, в том числе посвященные приключениям Робин Гуда, вошли в литературу, перестав восприниматься представителями просвещенных сословий как неприятные развлечения простонародья. Робин Гуд стал признанным героем исторических романов, которые, как правило, разрабатывали темы, заданные Вальтером Скоттом (противостояние саксов и норманнов, верность королю, борьба за справедливое устройство общества, благотворные свойства английского характера и т. д.). Довольно долго легендарный стрелок оставался персонажем «взрослой» литературы, охватывавшей небольшой сегмент читательской аудитории.

Начало массовому производству книг о Робин Гуде в Великобритании положил роман Пирса Игона-младшего «Робин Гуд и Маленький Джон»; с 1838 г. он выходил выпусками-брошюрами, в 1840 г. эти выпуски были объединены в книгу. Однако роман Игона не предназначался специально для юных читателей. В детское и юношеское чтение книги о Робин Гуде вошли другим путем: подростки из рабочего и среднего классов увлекались захватывающими, полными душераздирающих перипетий «ужасами за пенни» (*penny dreadful*), выпускаемыми в 1840–50-е гг. для взрослых читателей. Целевой аудиторией историй о Робин Гуде юные читатели начали считаться не ранее середины шестидесятых годов XIX в., когда группа издателей и книготорговцев с Флит-стрит совместными усилиями создала феномен еженедельной «литературы для мальчиков»¹. Эти выпуски, в основном, содержали приключенческие истории с продолжениями, а их героями были легендарные личности английской старины, в том числе знаменитые разбойники.

В 1868–69 гг. в таком формате выходит роман Джорджа Эммета «Робин Гуд и лучники из веселого Шервуда» («*Robin Hood and the Archers of Merrie Sherwood*»). Автор представлял его публике как результат вдумчивого изучения старинных баллад и исторических документов; исследование, предпринятое Эмметтом, проникнуто наивным национализмом. В предисловии Эмметт объяснил, в чем состояла для него привлекательность легенды: грубоватые истории о Робин Гуде «нравились нашим незатейливым саксонским предкам... Старинные баллады выражали любовь ко всему мужественному и смелому, они были полны презрения к подлости и трусости и поэтому близки сердцам отважных свободнорожденных английских юношей» [Emmett 1870, 2]. Эмметт, по его словам, установил, что Робин Гуд был саксонским борцом за свободу, который

ушел в Шервудский лес, чтобы вести неустанную жестокую борьбу с норманнами — тиранами и поработителями.

Робин в романе Эмметта, будучи саксом, уже по одной этой причине превосходит норманнов. Он верный слуга короля и народа, хотя, в общем и целом, больше напоминает галантного разбойника XVIII в., чем средневекового изгнанника. Скрывшись в лесу после разгрома восстания Симона де Монфора, Робин Гуд нападает на жестоких лордов и алчных церковников и наказывает нормандских рыцарей за беспардонное обращение с крестьянскими девушками. Он — прирожденный военный лидер, и немало места в повествовании отведено описанию разнообразных тактик, доспехов и вооружения (Эмметт сам был отставным офицером). Пасторальная красота лесов, здоровые развлечения (спорт и охота), разбойничья шайка, напоминающая военный отряд, оправданное во имя справедливости и порядка насилие — эти приметы «викторианского Робин Гуда» рисует и Эмметт. Присутствует в его трактовке и обязательная для серийных романов экзотика — на страницах «Лучников из веселого Шервуда» мы встречаем персонажей, позаимствованных из «Айвенго» Вальтера Скотта, Исаака и Ревекку. Робин в романе Эмметта становится графом; со своими соратниками, особенно с Маленьким Джоном, он обращается грубо, даже презрительно (возможно, таково было представление автора о высшей аристократии). Шервудскому лесу Эмметта явно недостает традиционной балладной свободы.

Давно замечено, что массовая литература оперирует архетипическими сюжетами, схемами волшебных сказок, которые оказываются наиболее узнаваемыми и притягательными для читателя (опасное испытание, уход из дома на поиски счастья, воспитание благородного юноши в семье простолюдина). Несмотря на все необыкновенные качества героя, читатель его легко увидит в нем типаж, знакомый по сказкам и мифам («похищенный ребенок», «неузнанный правитель» и т. д.). История такого героя, как правило, раскладывается на традиционные сказочные элементы: необыкновенное детство, ритуальные запреты, уход из дома, посвящение (инициация), преодоление препятствий, достижение цели. Он с ранних лет наделен исключительными качествами (сила, меткость, необыкновенные способности маскировки). Чтобы добиться своего, герой нуждается в помощниках; у него есть возлюбленная, которую нужно спасти; рано или поздно он вступает в схватку со смертельно опасным врагом (злой нормандский барон, шериф, Гай Гисборн).

На образы в романе Эммета повлияла и эстетика представлений народных театров викторианской эпохи (бурное выражение эмоций, яркий конфликт добра и зла, насыщенный мелодраматическими штампами язык), где регулярно сталкиваются персонажи, воплощающие Невинность и Порок. Так, У Эммета Мэрион отвечает похотливому королю:

— Сир! — воскликнула Мэрион, и в ее глазах сверкнуло презрение. — Сир! Я не в силах называть вас королем — ведь король не вызвал бы своими словами румянец стыда на девические щеки! Прочь! Оставьте меня непорочной или верните в зеленый лес, где вы нашли этот простой цветок, который благодаря нежной заботе человека, называемого вами разбойником, мог расти, не ведая королевских пороков! [Emmett 1870, 292]²

Обработка Эмметтом легенды о Робин Гуде обозначила вхождение «робингудианы» в круг сюжетов, приемлемых и даже желательных для книг, адресованных мальчикам-подросткам. Истории о разнообразных приключениях «веселых молодцов» стали появлялись в самых разных юношеских журналах, таких как «Boys of England», «The Young Britons», «Our Young Folks», «Young Britannia», «Young Men of Great Britannia», «Boys and Girls», «Nuggets», «The Boys' Comic Journal», «British Boys». Хотя произведения о Робин Гуде и составляли лишь небольшой процент от общего числа опубликованных выпусками повестей и романов, в 1860–90-х гг. юные читатели имели все шансы встретить очередную историю о Робин Гуде в любом из вышеупомянутых журналов. Как минимум по одному образцу такой истории было опубликовано в каждом из этих изданий. В основном, авторы использовали персонажей и сюжеты старинных баллад о Робин Гуде, щедро украшая их мелодраматическими элементами. Самый распространенный сюжетный ход выглядел так: жестокие бароны грабят дома и захватывают земли, а заодно забирают в плен и женщин, которые отважно противостоят им, защищая свою честь, и обретают в финале счастье с галантными разбойниками. Молодые женщины вообще действуют в этих произведениях гораздо активнее, чем можно ожидать, даже если их поведение в целом определяется викторианскими представлениями о роли женщины. Мэрион — ангел среди лесных разбойников; но, столкнувшись с угрозой для своей свободы и чести, она как минимум не лезет за словом в карман.

Хотя немалая доля жестокости присутствовала в традиционных и вполне одобряемых развлечениях викторианской эпохи (бокс,

собачьи бои, охота), культ силы и авантюризма в подростковых журналах привел к тому, что они начали повсеместно осуждаться в прессе как «опасное чтение», способное привести к росту детской преступности. Пускай названия конкретных произведений из числа публикуемых в тех же «Boys of England», далеко не всегда попадали на страницы судебных отчетов, нередко в числе косвенных улик оказывались сами журналы. Так, в 1872 г. Сэмюэл Хой, неполных тринадцати лет, был обвинен в попытке отравить свою мачеху мышьяком; в ходе следствия среди личных вещей Хоя обнаружили номера «Boys of England». С того момента пресса стала обращать особое внимание на то, не было ли у очередного юного преступника какого-нибудь экземпляра «дешевых ужасов». Когда подростка Альфреда Саундерса арестовали за кражу семи фунтов у собственного отца, «Таймс» сообщила: «Его карманы были буквально набиты выпусками „Пиратской лиги“, „Юных британцев“, „Сыновей Британии“ и „Английских мальчиков“» [Kirkpatrick 2013, 11]. Писатели, критики и педагоги утверждали, что чтение «Boys of England» и прочих «дешевых ужасов» склоняет впечатлительную молодежь к преступлениям [Там же].

Предполагаемая педагогами и общественными деятелями связь между чтением бульварной литературы и ростом преступности — тема столь же традиционная, сколь и дискуссионная³. Зато изучение жанровой специфики «дешевых ужасов», помогает разобраться с очередной литературной модификацией Робин Гуда. Здесь вступают в действие законы массовой литературы: писать об экзотическом, недостижимом, а потому занимательном. «Дешевые ужасы» сочетают в себе черты многих популярных литературных направлений — сенсационного, любовного и готического романа, так называемых романов «серебряной вилки» (silver fork novels), повествующих о жизни высшего света. Романтические приключения из жизни аристократов, возвышенные чувства, жестокие страсти, не знающая никакой меры галантность, и при этом удалство, храбрость, невероятные похождения — всё это типичное содержание низовой авантюрной беллетристики. Кроме того, если Робин Гуд — лорд, значит, он по умолчанию высокоморальный герой, носитель кодекса чести. Цитируя Г. К. Честертона:

Суть мечты об аристократе — великопение и мужество; быть может, свойства эти несколько преувеличены, но уж никак не преуменьшены. Автор никогда не ошибется, сделав пропасть слишком узкой или титул незаметным... Быть может, автор дешевой книжки преувеличил

красоту и отвагу, но именно красоты и отваги ждут от аристократов, даже глупых. <...> В книжках для народа, где все маркизы, как один, семи футов ростом, нет подлой лъстивости. Там есть поклонение знати, но нет низкопоклонства. Преувеличение строится на честном и пылком восторге, а честный восторг — на свойствах, которые людям все же в какой-то степени свойственны [Честертон 2004].

В тексты переработок робингудовских сюжетов для подростков проникают такие популярные мотивы приключенческих бульварных романов, как месть и семейные тайны. В анонимном «Друге смелого Робин Гуда» (1885–86) Ален-э-Дэйл, менестрель из отряда Робин Гуда, мстит за смерть отца, убитого безжалостным наемником по приказу норманнского лорда. В «Принце лучников» (1883) дается новое объяснение поступку Кирклейской аббатисы, погубившей Робин Гуда: оказывается, в юности, когда она еще была известна под именем леди Джулии Лагранж, Робин презрительно отверг ее любовные авансы, и много лет спустя оскорбленная женщина не упустила случая отомстить. «Лесное братство» как общность — и своеобразный нравственный регулятор поведения Робина — мало интересует авторов *penny dreadful*, чье внимание сосредоточено на описании поступков и помыслов благородного вожака, изображаемого полностью самодостаточной фигурой. Товарищи Робин Гуда превращены авторами этих романов в своего рода фон, выгодно оттеняющий его достоинства. Если есть предводитель, то нужны ведомые.

Лакуны в тех местах, которые средневековому читателю, вероятно, были ясны по умолчанию (или входили в часть общей, интуитивно понятной схемы), заполняются комментариями и подробностями. Особенно хорошо это видно по одному из самых загадочных сюжетов робингудовского легендарiums — истории о Гае Гисборне. Почти полностью выпав из круга массового чтения в XVII–XVIII вв., она вернулась в него в конце XIX в. и обросла огромным количеством толкований и интерпретаций. Авторы оказались вынуждены домысливать для читателей перипетии конфликта между героями в таком ключе, чтобы образ Робина не оказался «понижен». Народная баллада не дает объяснений тому, отчего между двумя случайно встретившимися в лесу людьми вспыхивает бой не на жизнь, а на смерть; средневековую аудиторию, очевидно, не смущало и то, что Робин, убив противника, уродует его до неузнаваемости и втыкает отрубленную голову на палку. С авторами и читателями XIX — начала XX вв. дело обстояло ина-

че. Если жестокость, обращенная против злодеев-норманнов, была вполне понятна и оправданна (так, в одном из романов Робин убивает Гисборна-храмовника, пытавшегося обесчестить Мэрион), то необъяснимая вспышка насилия рисковала превратить благородного разбойника в убийцу-психопата.

Стремление к упорядочению хаоса, четкому структурированию действительности — одна из ключевых идей викторианской культуры⁴. Викторианский призыв к порядку (order) имел шанс, сознательно или полусознательно, сомкнуться с той тягой к естественным «правилам жизни», которую ощущал главный герой баллад⁵. Никогда еще за все время существования литературных обработок легенды о Робин Гуде это стремление не было сформулировано столь отчетливо. Викторианская литература, с ее идеологией упорядочивания и цивилизаторства, стала поистине благодатной почвой для историй о Робин Гуде.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в Англии и Америке появляются детские книги о Робин Гуде — то есть написанные специально для детей, а не являющиеся переложениями «взрослых» книг или «дешевыми ужасами», рассчитанными на широкий и невзыскательный круг читателей. Вот лишь некоторые примеры: «Робин Гуд» Джона Б. Марта (1865), «Веселые приключения Робин Гуда» Говарда Пайла (1883), «Робин Гуд и люди из Шервудского леса» Генри Гилберта (1912), «Робин Гуд и его приключения» Пола Кресвика (1917). Эти произведения объединяло одно: их сложно назвать чисто развлекательными; они, в отличие от penny dreadful, в той же мере дидактичны, в какой авантюرنы. Несомненной классикой детской литературы о Робин Гуде стали «Веселые приключения знаменитого Робин Гуда в Ноттингемшире» американского писателя Говарда Пайла. Пайл не просто скомпилировал разнообразные сюжеты, но и логически объединил прежде не связанные между собой истории. К примеру, Робин Гуд у Пайла отправляется к брату Туку, поскольку ему нужен священник, чтобы обвенчать Алана-э-Дэла с его возлюбленной (в соответствующей балладе Робин, как это водится, просто хочет помериться силами с дюжим монахом).

Робин Гуд в «Веселых приключениях», несомненно, выглядит более гуманным и сдержанным, чем его балладный прототип. Если в балладе «Робин Гуд идет в Ноттингем» главный герой без каких-либо нравственных терзаний убивает четырнадцать лесничих, которые посмеялись над ним, то в прологе «Веселых приключений» юноша убивает лишь одного, спасая собственную жизнь,

и горько сожалеет о случившемся. Впоследствии Робин переживает множество традиционных приключений; когда он (в одной из последних глав) убивает на поединке Гая Гисборна, автор не упускает случая заметить, что Робин никого не лишил жизни со времен своей первой стычки с лесниками. Несложно предположить, что это «народная молва», склонная к преувеличениям, сделала из одного лесничего — четырнадцать. Робин Гуд Пайла — великодушный и щедрый человек, который не думает о личной выгоде и грабит богатых, чтобы помогать бедным. «Веселые приключения», популярные не только в Америке, но и в Англии, в определенной мере послужили тому, что Робин Гуд из героя бульварной литературы сделался героем книг, написанных специально для детей. Во всяком случае, в художественном отношении они бывали намного качественней, чем penny dreadful.

Можно сказать, что на этом этапе Робин Гуд стал орудием педагогики, хотя параллельно с этим продолжал оставаться героем дешевого популярного чтива. Если в произведениях для взрослых эталонные свойства героя (смелость, щедрость и т. д.), скорее, выступали как нечто присущее ему априори, а читателям в качестве предмета для размышлений нередко предлагались политические взгляды авторов, то юными читателями авторы стремились дать скорее определенные ориентиры, на которые те могли бы опираться. Педагогически подправленный Робин Гуд сделался воплощением этики частной школы (public school), через которую проходило большинство юных англичан из высшего и среднего класса и которая должна была подготовить мальчиков к службе, военной или гражданской (или лучше сказать «служению»), на благо империи, в том числе, и в колониях. Частные школы транслировали такие ценности, как «спортивное поведение», храбрость, справедливость, неизменное присутствие духа, дисциплинированность, готовность исполнять долг и умение переносить трудности⁶. В результате этой подготовки юноша должен был стать «джентльменом и христианином... который всегда играет честно и чья высшая цель — служить другим» [Lawrence 1994, 207]. Если «дешевые ужасы» предназначались, в основном, для невзыскательной публики из низшего класса (среди читавших эти романы подростков было много рабочих, рассылных, газетчиков), то авторы «школьных Робин Гудов» имели в виду иную целевую аудиторию — образованных мальчиков из уважаемых семей, чей круг чтения надлежало тщательно формировать.

Нужно было время, чтобы Робин Гуда сочли приемлемым героем для читателей из среднего класса — и еще больше времени, чтобы робингудовский легендарный наконец сделалась уважаемым источником сюжетов для детского чтения. Единственный способ изобразить Робин Гуда кем-то иным, кроме опасного разрушителя и бунтаря, состоял в том, чтобы сделать его похожим на школьника, уравнивая с читателями, которым он предлагался в качестве героя.

Трудно с уверенностью сказать, что Робин Гуд как герой романтической литературы или «дешевых ужасов» был настолько близок читателям, чтобы те могли ассоциировать его с собой (хотя попытки повторять те или иные похождения «криминальных героев» периодически фиксировались полицейской хроникой). Но Робин Гуд как герой школьных романов именно и *предназначался* для того, чтобы читатели могли проассоциировать его с собой — по всем пунктам, которые были ключевыми для этики *public schools*. Читать предлагалось не о средневековой Англии, а о себе, не об экзотике, а о знакомых и актуальных вещах. Персонажи подобных повестей и романов создавались и воспринимались как ролевые примеры, прагматика их образов заключалась в формировании у читателя положительной оценки определенных свойств, в том, чтобы вызвать у мальчиков желание подражать идеальному герою.

«Школьные» книги о Робин Гуде можно назвать «антуражными повестями о социализации», пусть даже главный герой как будто изначально *не* социализирован: ведь он разбойник, который противостоит обществу, а не сотрудничает с ним. Однако Робин Гуд — бесспорно положительный герой — вовсе не бросает вызов обществу как «плохой парень», отвергающий какую бы то ни было систему ради личной свободы или выгоды. Он вносит гармонию контролируемой социализации в мир, утративший порядок, с размытыми представлениями о добре и зле. Лесной стрелок — не разрушитель, который должен быть исправлен и введен в сообщество порядочных людей, а человек маргинальный лишь вынужденно, при этом, может быть, наиболее твердый в своих моральных нормах и потому способный «перевоспитать» всех вокруг себя, точно так же как старший ученик способен «окультурить» младших, еще не усвоивших школьные правила.

Идея «естественного порядка», таким образом, приобретает новое звучание; недаром на этапе воплощения легенд о Робин Гуде в школьных повестях вновь становится значимым мотив непрерываемой верности королю. Утверждение и реализация себя как части

системы (справедливой по умолчанию, пускай и размытой местами из-за «неправильных» исполнителей), формирование желательных качеств, выковывание воли — это основные идеи «книг для мальчиков». Балладный Робин Гуд безошибочно понимает, где правда, а где ложь, что правильно, а что нет, потому что его взаимоотношения с миром уже вполне выстроены и осознаны, поэтому нам неважно, как он рос и воспитывался. Робин Гуд из «повестей для мальчиков» поступает хорошо, потому что он, в силу воспитания и/или происхождения, обладает высокими нравственными качествами.

Поскольку одной из целей частных школ было воспитать «джентльмена и христианина», авторам последней трети XIX — начала XX вв. оказалось несложно наложить давние представления о набожности Робина на современную им школьную жизнь. В романе Генри Гилберта «Робин Гуде и людях из Шервудского леса» Робин настаивает, чтобы его соратники ежедневно слушали мессу: «Послушайте, парни, — продолжал Робин, — хоть мы и изгнанники, и находимся вне закона, милость Божья по-прежнему распространяется на нас. А потому я хочу, чтобы вы отправились со мной на мессу. Мы пойдем в Кемпсолл, и там священник примет у нас исповедь и произнесет наставление» [Gilbert 1912, 51].

Рука об руку с идеей «мужественного христианства» (*muscular Christianity*)⁷ в поздневикторианский период идет и культ телесного здоровья. Участие в спортивных играх, по мнению современников, способствовало развитию морали, благородства, мужественности. Во второй половине XIX в. спорт становится одной из основ британской культуры; он неразрывно связан с воспитанием нравственности и подразумевает конкретную цель — цивилизаторскую. Поздневикторианская и эдвардианская эпохи — это время атлетически сложенных мужчин; недаром большой популярностью пользуются борцы и тяжелоатлеты. Занимающийся спортом юноша — символ благополучия. И в книгах о Робин Гуде, написанных для юных читателей, подчеркивается физическая подготовка Робина — то, на что практически не обращали внимания авторы предшествующего периода, например, Вальтер Скотт.

Так, например, у Джозефа Макспаддена и Чарльза Уилсона, авторов исторической повести для школьников (1898), молодой Робин — это «красивый, крепко сложенный юноша; как только на правой руке у него развились мускулы, он научился натягивать длинный лук и выпускать меткую стрелу» [McSpadden, Wilson 1898, 12]. Интеллектуальная карьера противопоставлена гармоничному физическому развитию и выглядит менее предпочтительной:

Нежная мать вздыхала, когда видела, каким светом озарялось лицо мальчика, внимавшего этим лесным сказкам. Она была благородного рождения и надеялась видеть своего сына знаменитым — при дворе или в каком-нибудь аббатстве. Она учила его читать и писать, изящно кланяться и отвечать прямо и откровенно любому, будь он лорд или крестьянин... Но мальчик, хотя он добродушно внимал этим урокам хорошего воспитания, больше всего радовался, когда держал в руках свой любимый лук и гулял на воле, слушая шепот листвы [Там же, 12].

Дядя, опекун осиротевшего Робина, вполне это понимает — и делает правильный выбор: «Мне хорошо известно, — сказал дядя, — что твоя нежная мать хотела бы, чтобы я сделал из тебя книжника; но я-то вижу, что ты дни напролет проводишь в лесу. А посему я желаю тебе удачи в твоём пристрастии!» [Там же, 13].

В повести Макспаддена и Уилсона Робин Гуд не только превосходный стрелок, он еще и могучий борец; его друзья регулярно устраивают состязания и каждый день упражняются в беге, прыжках, борьбе, чтобы быть готовыми к стычкам с врагами. У Робин Гуда в романе Эдварда Гиллиата «Линкольнское сукно» (1897) крепкие руки и широкие плечи. Этими физическими качествами отмечен не только Робин, но и его друзья: крепкие плечи, мускулистые руки, могучие икры, здоровое телосложение — неперменные черты лесных стрелков.

Готовность в любую минуту принять вызов и помериться силами, презрение к боли и ранам, благородное поведение противников после схватки, великодушие победителя, неизменно хорошее настроение и бодрый дух — все эти черты становятся не только сюжетно, но и идеологически важными. Хотя лесные стрелки и проводят время в регулярных тренировках, чтобы быть готовыми к бою, они не превращаются в грубых бродяг, хулиганов, у которых чешутся кулаки. Представление о спортивном духе и честной игре легко сочетается с традиционной фабулой легенд — «Робин Гуд встречает достойного противника». Стычки в лесу — проявление «давней английской любви к честной игре и прямоте» [Finnemore 1935, x]. У Генриэтты Маршалл («Истории о Робин Гуде в пересказе для детей», 1906), Робин Гуд, потерпев поражение в драке с Маленьким Джоном, произносит: «Это был честный бой, и ты победил» [Marshall 1906, 16]. В «Линкольнском сукне» Гиллиата действие происходит в средневековой школе, весьма напоминающей викторианскую; в ней сын Робин Гуда, Уолтер, учится «драться по справедливым правилам» [Gilliat 1897, 116], а его главным врагом оказывается школьный задира, сын шерифа. «Спортивное»

поведение Робин Гуда у Максспаддена и Уилсона простирается до того, что Робин готов довольствоваться победой над Гаем Гисборном, не убивая противника, однако стычка все-таки заканчивается смертельным исходом, почти против воли главного героя.

В «школьных» романах и повестях Робин изображается непоколебимо верным королю и своей стране. В книге Генри Ньюболта «Книга о счастливом воине» (1917), где излагаются различные истории о национальных английских героях, в том числе и о Робин Гуде, юным читателям объясняют, что от чтения подобных рассказов можно получить несомненную пользу:

Рыцарство было планом всей жизни, сознательным идеалом, стойкой попыткой спасти Европу от варварства, даже когда европейские народы воевали друг с другом. Поначалу оно было облечено в отчетливые формы и церемонии — очень изящные формы и церемонии, но вовсе необязательные; когда они отмерли, идеал оказался достаточно велик, чтобы существовать без них. Он существует до сих пор и по-прежнему дает отпор как варварам, так и пацифистам.

Его главные принципы — основные идеи, о которых помнили все великие воины прошлого — таковы: во-первых, Служба, в мирное время и на войне, в любви и в религии. Во-вторых, Братство и Равенство в пределах Ордена. Все рыцари были братьями, каково бы ни было их положение и национальность, охотились ли они и пировали вместе или сражались друг против друга. В-третьих, Достойная Гордость — гордость равенства, но не гордыня; гордость не собой, но своим Орденом. В-четвертых, Святость любви; и, в-пятых, Защита слабых, страдающих и угнетенных.

Это законы рыцарства, правила, которые герои этих историй клялись соблюдать вовеки. <...> И эта традиция продолжается до наших дней. Старые методы подготовки юных оруженосцев к будущему званию рыцаря породили нашу систему частных школ, которая совершенно не походила на монастырскую систему. Монастырская система имела целью готовить клириков или ученых людей... Частная школа, с другой стороны, произвела директора школы от рыцаря, к которому в прежние времена отсылали мальчиков в качестве пажей; *fagging*⁸ — от разнообразных обязанностей, которые они выполняли; префектов — от старших оруженосцев, начальников над пажами, занятия спортом — от привычки проводить время на свежем воздухе, любовь к играм — от турниров и рыцарских законов войны [Newbolt 1917, vi–viii].

Таким образом, образ Робин Гуда вводится в круг детского чтения как пример рыцарственного героя, пусть даже в «Книге о счастливом воине» почти дословно пересказываются «Деяния

Робин Гуда», где Робин Гуд — йомен⁹. Система частных школ напрямую возводится к системе рыцарского воспитания, несмотря на то, что и это не вполне соответствует действительности: долгое время школы и колледжи были заняты именно подготовкой «клириков или ученых людей».

Идею верности монарху и безупречному выполнению долга перед родиной можно найти практически в любой английской «книжке для мальчиков» конца XIX — начала XX вв. Образ Робин Гуда превращается в символ воплощения долга и верности. Усиливается этот мотив и в произведениях о других национальных английских героях. Так, в романе Джорджа Генти «Поход на Лондон, или Рассказ о восстании Уота Тайлера» (1898) Тайлер и восставшие крестьяне бунтуют не только из-за новых налогов, но и потому что желают отправиться на войну с Францией, однако феодальные законы не позволяют им этого. В реальности, надо заметить, Тайлер и его соратники не боролись за право участвовать в английских войнах на континенте.

Герой «Линкольнского сукна» Уолтер, сын Робина, участвует в состязании лучников ради чести своей страны. Он подчеркивает собственную приверженность долгу, воскликнув: «Я не знаю усталости, когда честь и долг призывают меня!» [Gilliat 1897, 180]. В книге Г. Маршалл лесные стрелки в первую очередь провозглашают верность королю, а уж потом обещают защищать слабых и бедных.

Служба королю и нации представлена в книгах 1890-х — 1910-х гг. не только как личный нравственный императив, но и как средство преуспеть в жизни. В романе Пола Кресвика «Робин Гуд и его приключения» (1917) юный Робин отправляется в поместье своего дяди Гэмвелла; разглядывая обширные дядины владения, он спрашивает, каким образом тот достиг такого богатства, и узнает, что Гэмвелл получил эти земли в награду за службу в королевской армии. Иными словами, верная служба своей стране может «продвинуть» человека во всех отношениях — морально, физически и финансово. Социальное возвышение, построение карьеры описывается, по сути, как предел мечтаний. Характерно, что авторам ранних баллад как будто не приходило в голову повысить статус Робина по итогам примирения с королем. Средневековый Робин Гуд не просто доволен званием йомена, но и явно считает его предпочтительным.

В «книжках для школьников» Робин почти всегда — граф Хантингтон; он — безусловный лидер своих низкороджденных соратни-

ков, который всегда знает, как лучше. Жесткая иерархичность, вертикаль власти, самоорганизация с четко разграниченными правами и обязанностями — это идеи, которые главенствовали в английской школе, ориентированной на воспитание будущих лидеров. У Макспаддена Робин становится предводителем изгнанников, потому что обладает «birth, breeding and skill» (подобающим происхождением, воспитанием и умениями) [McSpadden, Wilson 1898, 30]. Зеленый лес становится тренировочной площадкой для приключений на арене имперских амбиций Британии, которые начнутся «за кадром», после того, как Робина и его людей простят. В книге Э. Гиллиата, например, большинство разбойников, прощенных королем, присоединяются к Ричарду I и отправляются с ним в крестовый поход.

Многие из перечисленных выше книг, предназначавшихся для юных читателей (в первую очередь, для мальчиков) и притом четко отграниченных от *penny dreadful*, — это продукт первых двух десятилетий XX века: эдвардианской эпохи (1901–1910) либо начала правления короля Георга V (1910–1936). К авторам этого периода относятся Гилберт, Кресвик, Финнемар, Маршалл, Ньюболт, Герберт и проч. В викторианской литературе таких произведений было значительно меньше (романы Гиллиата, Макспаддена, Ходжеттса, Э. Боуман¹⁰). Можно предположить, что такие плодovитые писатели-беллетристы, как У. Кингстон, Т. Майн Рид, Р. Баллантайн, Г. Стейблз и другие относились к Робин Гуду с некоторым подозрением, даже несмотря на опыт Вальтера Скотта, и предпочитали не писать книг о разбойниках. Робин Гуд появляется как третьестепенный персонаж в одном из романов Джорджа Генти, при всем интересе этого автора к историческому материалу; а «Молодой Робин Гуд» Джорджа Манвилла Фенна («*Young Robin Hood*», 1899) — это трогательная детская повесть о дружбе двух Робинов, разбойника и маленького сына шерифа, который в лесу оказывается окружен большей заботой и любовью, чем дома.

Несомненно, детские писатели испытывали определенные сомнения по поводу этого сюжета: Робин, конечно, был английским национальным героем, патриотом, борцом за свободу, но также и разбойником, грабителем, преступником. К тому же в общественном сознании, трудами некоторых «взрослых» авторов, он был связан с чартизмом и прочими радикальными движениями, а потому вряд ли мог служить образцом для юных читателей. В 1906 г. анонимный автор, рискнувший взяться за эту тему, предварил по-

вестование таким предупреждением — опять-таки, вполне в духе этики частных школ:

История о смелом Робин Гуде и его веселых молодцах — это слепок с незаконного времени, когда в Англии было мало правосудия, богатые угнетали бедных, а церковь и государство помогали угнетателям. Поскольку закон не мог защитить правое дело, смелые люди вроде Робин Гуда бежали из городов в лесную чащу, где вели жизнь изгнанников, отстаивая права простых людей и наказывая жадных, жестоких, себялюбивых богачей, которые обижали бедняков. Они вершили суровый суд над церковниками, дворянами, толстыми торговцами; и бедняки с тех самых пор поют хвалы Робин Гуду как веселому, жизнерадостному и смелому англичанину, который всегда дрался справедливо, поступал честно и не терял присутствия духа. Он никогда не причинял вреда беднякам, никогда не обижал женщин. Даже теперь мы нуждаемся в людях, полных такого благородства. В школах, на игровых площадках и дома всегда есть место смелым, которые защитят слабого от несправедливости и обиды, и бодрым, которые не станут хныкать и жаловаться, но во всем увидят только лучшее [Robin Hood 1906, 5]¹¹.

Некоторые поздневикторианские авторы на первой же странице книги давали себе соответствующие аттестации (обращенные к потенциальным покупателям, родителям и педагогам): «Преподаватель Э. Гиллиат, магистр искусств, помощник учителя в Харроу» или: «Бывший профессор и экзаменатор Московского (sic!) университета, который изучил много книг и рукописей в библиотеке Британского музея, прежде чем написать свой роман». Большинство детских авторов, не мудрствуя лукаво, придерживались текста старых баллад, что оказывалось не так уж просто, поскольку пересказывать и перелagать приходилось лишь те баллады, которые были достаточно изящны и «нравственны», оставляя за рамками наиболее одиозные тексты. Средневековая легенда, не будучи адаптирована и отцензурирована, была несомненно опасна. Так, заметной переработке подверглась история о Гае Гисборне (которая после сорокалетнего перерыва вновь увидела свет в книге Г. Пайла «Веселые приключения Робин Гуда»), поскольку ничем не мотивированная для современного юного читателя жестокость действующих лиц явно выглядела непедagogичной и компрометирующей героев. Поэтому Гисборна пришлось сделать давним недругом Робина и его друзей, откровенно несимпатичной личностью и заведомо отрицательным персонажем. Если жанр *reppu dreadful* мог позволить себе некоторые излишества во имя увлекательности, то авторы «книг для школьников» старались жестко

дистанцироваться от них в этом отношении. Джеймс Фредерик Ходжеттс, автор «Эдвина, маленького изгнанника» (1887), — вышеупомянутый «московский профессор» — выразил надежду на то, что его попытка обратиться к легенде о Робин Гуде не будет смешана с нездоровым почитанием преступников вроде Клода Дюваля и Джека Шеппарда [Цит. по: Briggs, Butts, Grenby 2008, 49].

Ближе к концу века появляется новый формат изданий для юных читателей. Американское издательство «The Adline Publishing Company» начало издавать в 1887 г. серию книг «Первоклассная карманная библиотека для мальчиков». Как правило, это были небольшие, карманного формата, книжечки с яркой обложкой (в месяц выходило от четырех до восьми номеров). В 1901 г. «Adline» принялось за выпуск серии, посвященной английским разбойникам и грабителям. Первым стал «Робин Гуд» (1901–1906), за которым последовали «Дик Терпин», «Клод Дюваль», «Роб Рой» и «Джек Шеппард».

Для целого ряда американских авторов и издателей педагогический смысл историй о Робин Гуде заключался именно в том, что Робин Гуд предстал в них героическим борцом с тиранией (как, например, Вильгельм Телль и Уот Тайлер), а Великая хартия вольностей выступала предшественницей американской демократии. Так, профессор Ландер Макклинтон из Чикагского университета, автор методического труда «Литература в начальной школе» (1907), писал:

Большинство начальных школ открыли для себя ценность легенд о Робин Гуде, их здоровую объективность, прямоту, свежую атмосферу, которой окружены эти истории; все это делает их приемлемыми во многих аспектах... Робкие родители и учителя, которые никогда не встречались с этими историями, питают некоторые опасения по поводу эффекта, который способна оказать на детей их авантюрная, если не сказать незаконная атмосфера. Они говорят, что одобрением читателя пользуется разбойник, который постоянно и с успехом издевается над представителями власти и законными процедурами; что веселые молодцы, в конце концов, просто банда... Но хорошие учителя, которые используют в школе легенду о Робин Гуде, никогда не говорят таких вещей, потому что не наблюдают упомянутых бедствий. Нужно совсем немного, чтобы *перенести акцент* [курсив мой. — В. С.] с изгнанничества Робин Гуда на жестокие, несправедливые законы, с которыми он боролся, обратить внимание на его щедрость, на доброту к тем, кто попал в беду, на его готовность принять честное поражение, на верность своим соратникам. Так преображается и его шайка; и в социальном

смысле нам хотелось бы добиться именно ее преобразования, а не уничтожения [McClintock 1909, 143–144].

Таким образом, на пороге перехода легенд о Робин Гуде в кинематограф определилась дидактическая функция этого образа, которая акцентировала его рыцарские качества, благородство, чувство социальной справедливости. Адаптивность легенды, ее способность становиться проводником самых разных идей обеспечила ей долговременный успех.

Примечания

- ¹ Так, например, один из самых популярных еженедельных журналов такого рода, «Английские мальчики» («Boys of England», 1866–1899 гг.), основанный издателем Э. Дж. Бреттом, имел тираж около 250 тысяч экземпляров и пользовался большой популярностью в рабочей среде. В нем печатались (зачастую анонимно) «многосерийные» произведения исторической, романтической, приключенческой, мистической тематики, детективы, рассказы о знаменитых разбойниках и мятежниках, научно-популярные статьи, анекдоты. Каждый номер состоял из 16 страниц. См., напр., содержание номера от 1 января 1870 г.: «Робинзоны-соперники» (продолжение), «Из французской истории», «Боб на велосипеде» (продолжение), «Странная карьера, или Жертва мошенника», «Окровавленный скальп», «Опасные приключения Филиппа на суше и на море» (продолжение), «Комический Робинзон Крузо». Считавшийся более respectable журналом «The Boy's Own Paper» (1879–1967) публиковал истории о приключениях и повести из школьной жизни; кроме того, он считал своей задачей пропагандировать спорт, туризм, естественные науки.
- ² Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, перевод мой — В. С.
- ³ О сходной дискуссии, посвященной Нату Пинкертону, см., например: [Maslinskaya, Maslinsky 2020, 25–33.]
- ⁴ «Order is Truth», — говорит Карлейль, «Порядок есть Истина» [Carlyle 2007].
- ⁵ В балладах в число этих аксиом, осознаваемых как order, входят: не причинять вреда крестьянам и честным рыцарям; «вязать и бить» шерифа и епископа; почитать Деву Марию; «негоже йомену платить за рыцаря»; «негоже королю бить честного йомена» и т. д.
- ⁶ Подробнее см., напр.: [Colley 1992; MacDonald 1994; Mangan 2002].
- ⁷ Этот термин чаще всего ассоциируется с Томасом Хьюзом, автором известного романа «Школьные годы Тома Брауна» (1857). Хьюз употребил его в продолжении своего романа, под названием «Том Браун в Оксфорде», заметив, что «хорошо иметь мускулистое, сильное, тренированное тело... [оно] дано человеку, чтобы упражнять его и приводить

в повиновение, а затем использовать для защиты слабых, для утверждения правого дела, для покорения земель, которые Бог даровал сынам Адама» [Hughes 1883, 113]. В широком смысле этот термин стал использоваться в публицистике для обозначения целого ряда ценностей, как то: патриотизм, мужественность, физическая красота в сочетании с нравственным совершенством, умение «работать в команде», дисциплина, самоотверженность (см., например: [Newsome 1961]).

⁸ Fagging — узаконенная в частных школах система прислуживания младших мальчиков старшим.

⁹ Йомены — в эпоху английского Средневековья — лично свободные мелкие землевладельцы недворянского происхождения.

¹⁰ У Боуман основное внимание уделено не самому Робин Гуду, а трем подросткам-саксам, оказавшимся в лесу в поисках пропавшего без вести отца; у Гиллиата, как говорилось выше, действие перенесено в школу.

¹¹ В предыдущем номере этого журнала был помещен пересказ «Айвенго».

Литература

Источники

Chesterton 2004 — Честертон Г. К. Вечный Человек. М.: Эксмо — СПб.: Миднард, 2004. // Честертон.ру: сайт / В. Чукалов. URL: <http://www.chesterton.ru/heretics/chapter09.html>

Carlyle 2007 — Carlyle T. Sartor Resartus and On Heroes / Introd. by Prof. W. H. Hudson // Project Gutenberg: online library. URL: <https://www.gutenberg.org/files/20585/20585-h/20585-h.htm>

Emmett 1870 — Emmett G. Robin Hood and the Archers of Merrie Sherwood. London: Hogarth House, 1870.

Finnemore 1935 — Finnemore J. The Story of Robin Hood. London: A. & C. Black, 1935.

Gilbert 1912 — Gilbert H. Robin Hood: and the men of the greenwood. With 16 illustrations in colour by Walter Crane. London: T. C. & A. C. Jack, 1912.

Gilliat 1897 — Gilliat E. In Lincoln Green: A Story of Robin Hood. London: Seeley & Co., 1897.

Hughes 1883 — Hughes T. Tom Brown at Oxford. London: Macmillan and co., 1883.

Marshall 1906 — Marshall H. E. Stories of Robin Hood Told to the Children. London: T. C. & E. C. Jack, 1906.

McSpadden, Wilson 1898 — McSpadden J. W., Wilson C. Robin Hood. London: Associated Newspaper Books, 1898.

Newbolt 1917 — Newbolt H. The Book of the Happy Warrior. London: Longman, 1917.

Robin Hood 1906 — Robin Hood and His Merry Men. London: “Books for the Bairns” Office, 1906. (Books for the bairns; no. 120, feb.)

References

Briggs, Butts, Grenby 2008 — Briggs, J., Butts, D., Grenby, M. O. (Eds.) (2008). Popular Children’s Literature in Britain. Aldershot: Ashgate Publishing Ltd.

Colley 1992 — Colley, L. (1992). Britons: Forging the Nation 1707–1837. New Haven: Yale Univ. Press.

Kirkpatrick 2013 — Kirkpatrick, R. J. (2013). Wild Boys in the Dock: Victorian Juvenile Literature and Juvenile Crime. London: Children’s Books History Society.

Lawrence 1994 — Lawrence, J. (1994). The Rise and Fall of the British Empire. London: Abacus.

MacDonald 1994 — MacDonald, R. (1994). The Language of Empire: Myths and Metaphors of Popular Imperialism, 1880–1918. Manchester: Manchester Univ. Press.

Mangan Hickey 2002 — Mangan, J. A., Hickey, C. (2002). Missing Middle-Class Dimensions: Elementary Schools, Imperialism and Athleticism. European Sports History Review, 4, 73–90.

Maslinskaya 2020 — Maslinskaya, S. (2020). Nat Pinkerton: A Missing Genre in Russian Children’s Literature. Bookbird: A Journal of International Children’s Literature, 58 (2), 25–33.

McClintock 1909 — McClintock, P. L. (1909). Literature in the Elementary School. Chicago: The Univ. of Chicago Press.

Newsome 1961 — Newsome, D. (1961). Godliness and Good Learning: Four Studies on a Victorian Ideal. London: John Murray Publishers Ltd.

Valentina Sergeeva

The Gorky Institute of World Literature RAS; ORCID:
0000-0003-4693-7723

“ROBIN HOOD OF SCHOOLS”: FROM “PENNY DREADFUL” TO
“TALES FOR BOYS” (2ND HALF OF THE 19TH C. — BEGINNING OF
THE 20TH C.)

In the second half of the 19th century Robin Hood, who formerly had been a character of historical novels à la Walter Scott and the low-grade criminal and adventurous literature (“penny dreadful”), came into the field of books addressed to young children and teenagers of a relatively high status. These stories were largely designed both to amuse and to teach; they served as the voice of pedagogical ideas and carried the public school ethos. The focus was shifted from Robin Hood’s outlawry towards the very features that could serve didactic purposes. The legendary archer stands before boy readers as an epitome of cardinal virtues of an ideal English schoolboy (patriotism, justice, bodily development, love for sport’s competitions, the skill of fair play, socialization as the supreme value). Robin Hood as the hero of school stories was especially invented for readers to identify with him on the points that were crucial in the public school ethos. For the young readers he became at least a good example, both cautionary and thrilling, of fulfillment of social expectations, if not a real role model.

Keywords: children’s literature, school story, historical novel, popular literature, pedagogy, Robin Hood, adventures